

Валерий Брюсов

Me eumm esse

Содержание

НОВЫЕ ЗАВЕТЫ	0007
«Как царство белого снега...»	0007
ЮНОМУ ПОЭТУ	0008
«... и покинув людей, я ушел в тишину...» .0009	
«Я действительности нашей не вижу...» . .0010	
МУЧИТЕЛЬНЫЙ ДАР	0011
«Давно ушел я в мир, где думы...»	0012
IL VASIO	0012
НО ПОВОДУ CHEFS D'ŒUVRE	0014
«Отреченного веселья...»	0015
ВИДЕНИЯ	0016
ВЕСНА	0016
НА БУЛЬВАРЕ	0017
МГНОВЕНИЕ	0018
«И он взглянул, и ты уснула, и он ушел, и умер день...»	0019
В ТРАУРЕ	0020
ПОЗОР	0020
ВЕТВИ	0021
МГНОВЕНИЯ	0022
«И снова бредешь ты в толпе неизменной...»	0022
ТУМАН	0023
ПРОДАЖНАЯ	0023
РАССВЕТ	0024

«Эту ночь я дышал тишиной...»	0024
«Стаял снег... земля, каменья...»	0025
«Холод ночи; смерзлись лужи...»	0025
«Звон отдаленный, пасхальный...»	0026
СКИТАНИЯ	0027
«Мерный шум колес...»	0027
«Месяц бледный, словно облако...»	0028
«Четкие линии гор...»	0028
«О, плачьте, о, плачьте...»	0029
ВЕЧЕР	0030
«Есть что-то позорное в мощи природы...»	0031
«Спит вагон, мерцает газ...»	0032
СОФИИ С., подарившей мне лепесток розы	0032
«Поезд врывается в древние скалы...»	0033
«Мы ехали долго, без цели, куда-то...»	0034
НЕНУЖНАЯ ЛЮБОВЬ	0035
«И снова дрожат они, грезы бессильные...»	0035
«Сквозь туман таинственный...»	0036
«В лабиринте аллей...»	0037
«Я помню вечер, бледно-скромный...»	0038
«Побледневшие звезды дрожали...»	0038
«Почему я только мальчик...»	0039
«Меж скал разбитых...»	0040
«Это было безумие грезы...»	0041
АНГЕЛ БЛЕДНЫЙ	0042

«Мы бродили, вдвоем и печальны...»	0043
«Это матовым вечером мая...»	0044
ВЕЯНЬЕ СМЕРТИ	0045
«И ночи и дни примелкались...»	0045
«После ночи бессонной...»	0046
ПОСЛЕДНИЕ СЛОВА	0047
ПОСВ.***	0048
ЗАПИСКА САМОУБИЙЦЫ	0048
«Кончено! кончено! Я побежден...»	0049
«... я вернулся на яркую землю...»	0050
«Я бы умер с тайной радостью...»	0051
«Ни красок, ни лучей, ни аромата...»	0052
В ПУТИ	0053
«Сумрак за черным окном...»	0053
«Тайны мрака побледнели...»	0054
«Прохлада утренней весны...»	0055
«Из бездны ужасов и слез...»	0056
«Последние думы...»	0057
«Не плачь и не думай...»	0058
«В час, когда гений вечерней прохладой...»	0059
«О, когда бы я назвал своею...»	0060
ЗАВЕРШЕНИЕ	0061
ГОДЫ МОЛЧАНИЯ	0061
«И в ужасе я оглянулся назад...»	0062
«Еще надеяться — безумие...»	0063
ОБЯЗАТЕЛЬСТВА	0064
ОТРЕЧЕНИЕ	0065

ЧИСЛА0066
СТРОГОЕ ЗВЕНО	0067
«Я прежде боролся, скорбел...»	0068
ЛИРИЧЕСКИЕ ПОЭМЫ0069
ИДЕАЛ0069
СОН ПРОРОЧЕСКИЙ0072

Валерий Брюсов
ME EUM ESSE[1]
1896–1897

Одиночеству тех дней

НОВЫЕ ЗАВЕТЫ

«Как царство белого снега...»

Как царство белого снега,
Моя душа холодна.
Какая странная нега
В мире холодного сна!
Как царство белого снега,
Моя душа холодна.
Проходят бледные тени,
Подобны чарам волхва,
Звучат и клятвы, и пени,
Любви и победы слова...
Проходят бледные тени,
Подобные чарам волхва.
А я всегда, неизменно,
Молюсь неземной красоте;
Я чужд тревогам вселенной,
Отдавшись холодной мечте.
Отдавшись мечте — неизменно
Я молюсь неземной красоте.
23 марта 1896

ЮНОМУ ПОЭТУ

Юноша бледный со взором горящим,
Ныне даю я тебе три завета:
Первый прими: не живи настоящим,
Только грядущее — область поэта.
Помни второй: никому не сочувствуй,
Сам же себя полюби беспредельно.
Третий храни: поклоняйся искусству,
Только ему, безраздумно, бесцельно.
Юноша бледный со взором смущенным!
Если ты примешь моих три завета,
Молча паду я бойцом побежденным,
Зная, что в мире оставлю поэта.
15 июля 1896

**«... и покинув людей, я ушел в
тишину...»**

...**И**, покинув людей, я ушел в тишину,
Как мечта одинок, я мечтами живу,
Позабыв обаянья бесцельных надежд,
Я смотрю на мерцанья сочувственных
звезд.

Есть великое счастье — познав, утаить;
Одному любоваться на грезы свои;
Безответно твердить откровений слова,
И в пустыне следить, как восходит звезда.
26 июня 1896

«Я действительности нашей не вижу...»

Я действительности нашей не вижу,
Я не знаю нашего века,
Родину я ненавижу, —
Я люблю идеал человека.
И в пространстве звенящие строки
Уплывают в даль и к былому;
Эти строки от жизни далеки,
Этих грез не поверю другому.
Но, когда настанут мгновенья,
Придут существа иные.
И для них мои откровенья
Прозвучат как песни родные.
8 июня 1896

МУЧИТЕЛЬНЫЙ ДАР

*И ношушь, крылатый вздох,
Меж землей и небесами.*

Е. Баратынский

Мучительный дар даровали мне боги,
Поставив меня на таинственной гра-
ни.

И вот я блуждаю в безумной тревоге,
И вот я томлюсь от больных ожиданий.
Нездешнего мира мне слышатся звуки,
Шаги эвменид и пророчества ламий...
Но тщетно с мольбой простираю я руки,
Невидимо стены стоят между нами.
Земля мне чужда, небеса недоступны,
Мечты навсегда, навсегда невозможны.
Мои упования пред миром преступны,
Мои вдохновенья пред небом ничтожны!
25 октября 1895

«Давно ушел я в мир, где думы...»

Давно ушел я в мир, где думы,
Давно познал нездешний свет.
Мне странны красочные шумы,
Страстям — в душе ответа нет.
Могу я медлить миг мгновенный,
Но ввысь иду одной тропой.
Кто мне шепнул о жизни пленной?
— Моя звезда! я только твой.
25 января 1900

IL VASIO[2]

Есть древняя чистая ласка,
Прекрасней, чем буйная страсть:
Есть ласка святая, как сказка,
И есть в ней нездешняя власть.
Ее неземное значенье
Не тот на земле разгадал,
Кто, в дикой игре наслажденья,
Любовницы грудь целовал;
Не тот, кто за дымкой прозрачной
Ловил очарованный взгляд
И после в уста новобрачной

Вливал обольстительный яд.
Но кто уловил, хоть однажды,
Таинственный зов чистоты, —
Ничем не обманет он жажды
Своей озаренной мечты.
Он будет блуждать и томиться,
Искать отражений во мгле,
И прошлому свету молиться,
И жить неземным на земле.
Но в нашем вседневном тумане
Мечтам повторения — нет,
И только за гранью желаний
Мы встретим желанный ответ!

27 ноября 1895

НО ПОВОДУ CHEFS D'ŒUVRE

Ты приняла мою книгу с улыбкой,
Бедную книгу мою...

Верь мне: давно я считаю ошибкой
Бедную книгу мою.

Нет! не читай этих вымыслов диких,
Ярких и странных картин:

Правду их образов, тайно великих,
Я прозреваю один.

О, этот ропот больных искушений,
Хохот и стоны менад!

То — к неземному земные ступени,
Взгляд — до разлуки — назад.

Вижу, из сумрака вышедши к свету,
Путь свой к лучам золотым;

Ты же на детскую долю не сетуй:
Детям их отблеск незрим!

Так! не читай этих вымыслов диких,
Брось эту книгу мою:

Правду страниц ее., тайно великих,
Я, покоряясь, таю.

15 июля 1896

«Отреченного веселья...»

Отреченного веселья
Озаренная печаль:
Это — ласковая келья,
Кропотливая медаль.
И, за гранью всех желаний,
Бледно-палевая даль:
Это — новых испытаний
Несказанная печаль.
17 марта 1896

ВИДЕНИЯ

ВЕСНА

Белая роза дышала на тонком стебле.

Девушка вензель чертила на зимнем стекле.

Голуби реяли смутно сквозь призрачный снег.

Грезы томили все утро предчувствием нег.

Девушка долго и долго ждала у окна.

Где-то за морем тогда расцветала весна.

Вечер настал, и земное утешилось сном.

Девушка плакала ночью в тиши, — но о ком?

Белая роза увяла без слез в эту ночь.

Голуби утром мелькнули — и кинулись прочь.

8 января 1896

НА БУЛЬВАРЕ

С опущенным взором, в пелериночке белой,
Она мимо нас мелькнула несмело, —
С опущенным взором, в пелериночке белой.

Это было на улице, серой и пыльной,
Где деревья бульвара склонялись бессильно,

Это было на улице, серой и пыльной.
И только небо — всегда голубое —
Сияло, прекрасное, в строгом покое,
Одно лишь небо, всегда голубое!
Мы стояли с тобой молчаливо и смутно...
Волновалась улица жизнью минутной.
Мы стояли с тобой молчаливо и смутно.
22 апреля 1896

МГНОВЕНИЕ

Один ее взгляд ярче тысячи звезд!
Небесный, алмазный, сверкающий
крест, —

Один ее взгляд выше тысячи звезд!

Я встретил на миг лишь один ее взгляд, —

Алмазные отсветы так не горят...

Я встретил на миг один ее взгляд.

О, что за вопросы виделись в нем!

Я смутно померк в венце золотом...

О, что за вопросы виделись в нем!

Умрите, умрите, слова и мечты, — красоты

Что может вся мудрость пред сном красо-
ты?

Умрите, умрите, слова и мечты!

17 мая 1896

**«И он взглянул, и ты уснула, и он
ушел, и умер день...»**

И он взглянул, и ты уснула, и он ушел, и
умер день;

И словно руки протянула огнем встрево-
женная тень.

Слова магических заклятий заветных снов
не разорвут,

Ты будешь помнить бред объятий и все, и
все мечты минут,

Когда же, властный и прекрасный, к тебе
опять вернется он,

То будет только сон неясный, — неясный и
ненужный сон!

18 января 1896

В ТРАУРЕ

Она была в трауре с длинной вуалью;
На небе горели в огне облака.
Черты ее нежно дышали печалью;
Небесные тайны качала река.
Но яркое небо — мираж непонятный,
Но думы печали — обманы минут;
А строгие строфы скользят невозвратно,
Скользят и не дышат, — и вечно живут.
4 мая 1896

ПОЗОР

Венчальные платья мы сняли,
Сронили к ногам ожерелья
И в царственной Зале Веселья
Смущенной толпою стояли.
Почти обнаженные, все мы
Поднять наши взоры не смели.
И только надменно горели
У нас в волосах диадемы.
23 апреля 1896

ВЕТВИ

Ветви склонялись в мое окно,
Под ветром гнулись, тянулись в окно,
И занавеска, дрожа, томясь,
На белой ленте ко мне рвалась;
Но я смотрел в окно мимо них,
Мой взор погасал в небесах голубых.
— Там, где движенья и страсти нет,
Там вечно светит нетленный свет;
О чем мы бредим во сне, сквозь сон,
Тем мир незримо всегда напоен;
Красота и смерть неизменно одно...
А ветви гнутся и рвутся в окно.
19 июня 1896

МГНОВЕНИЯ

**«И снова бредешь ты в толпе
неизменной...»**

И снова бредешь ты в толпе неизменной,
Исполнен желаний земных.
Мгновения тайны, как тайна, мгновении,
И сердце не вспомнит об них.
Она у окна, утомленно-больная,
Глядит на бледнеющий день;
И ближе, и ближе — ночная, земная,
Всегда сладострастная тень.
27 апреля 1896

ТУМАН

Пьяные лица и дымный туман...
В дымке туманной лепечет фонтан.
Отзвуки смеха и грубый вопрос...
Блещут на лилиях отблески рос.
Клонятся красные губы ко мне...
Звезды бесстрастно плывут в вышине.
Сентябрь 1896

ПРОДАЖНАЯ

Едва ли ей было четырнадцать лет —
Так задумчиво гасли линии бюста.
О, как ей не шел пунцовый цвет,
Символ страстного чувства!
Альков задрожал золотой бахромой —
Она задернула длинные кисти.
О да! ей грезился свод голубой
И зеленые листья.
16 мая 1806

РАССВЕТ

День рассветает, встречая мечту...
В сумраке дня я молитву прочту.
Мутной зарей озарилось окно...
Господи! сердце тебе отдано.
Женская тень на постели бледна...
Нет! я не знаю недавнего сна!
Апрель 1896

«Эту ночь я дышал тишиной...»

Эту ночь я дышал тишиной.
По таинственен был ускользящий сон.
В эту ночь ты мечтала со мной.
Но ласкающий лик был луной озарен.
На заре умерла золотая луна.
На заре ты рассталась со мной.
Ты рассталась, ушла, но жила тишина...
На заре я дышал тишиной.
Апрель 1896

«**Стаял снег... земля, каменья...**»

Стаял снег... земля, каменья,
Облака и облака...

Где же символ возрожденья,
Детский лепет василька!
Смутно сонный холод дышит
Вместо вешней теплоты,
И душа моя не слышит
Обновляющей мечты.
16 марта 1896

«**Холод ночи; смерзлись лужи...**»

Холод ночи; смерзлись лужи;
Белый снег запорошил.
Но в дыханьи злобной стужи
Чую волю вешних сил.
Завтра, завтра солнце встанет,
Побегут в ручьях снега,
И весна с улыбкой взглянет
На бессильного врага!
16 марта 1896

«Звон отдаленный, пасхальный...»

Звон отдаленный, пасхальный,
Слышу сквозь завесу дней.
Тихо бреду я, печальный,
В мире вечерних теней.
Звон отдаленный, пасхальный,
Ближе, прозрачней, слышней...
Тихо бреду я, печальный,
С горестной думой о Ней.
21 марта 1896

СКИТАНИЯ

«Мерный шум колес...»

Мерный шум колес,
Поле, ряд берез,
Много мутных грез;
Мчимся, мчимся, мчимся...
Мерный шум и шум,
Свод небес угрюм,
Много мутных дум;
Дальше! Дальше! Дальше!
12 апреля 1896

«Месяц бледный, словно облако...»

Месяц бледный, словно облако,
Неподвижный странный лес,
Там далеко шпиль — и около
Золотой, блестящий крест.
Поезд въезжает быстро, медленно,
Скрылся лес, и нет креста, —
Но в лазури тайна месяца
Неизменна и чиста.
8 июня 1896

«Четкие линии гор...»

Четкие линии гор;
Бледно-неверное море...
Гаснет восторженный взор,
Тонет в бессильном просторе.
Создал я в тайных мечтах
Мир идеальной природы. —
Что перед ним этот прах;
Степи, и скалы, и воды!
12 июня 1806
Ореанда

«О, плачьте, о, плачьте...»

О, плачьте, о, плачьте
До радостных слез!
— Высоко на мачте
Мелькает матрос.
За гранью страданий
Есть новые дни.
— Над морем в тумане
Сверкнули огни.
Желанья — как воды,
Страдания — маяк...
— Плывут пароходы
В таинственный мрак.
20 сентября 1896
Новороссийск

ВЕЧЕР

*Но в стихе умиленном найдешь
Эту вечна душистую розу.
А. Фет.*

Утомленный, сонный вечер
Успокоил тишью волны,
И померк далекий глетчер,
Вечно гордый и безмолвный.
Море темное простерто,
Ждет, в томленьи постоянства,
Скоро ль выйдет месяц мертвый
Целовать его пространство.
Мысль полна глухих предчувствий,
Голос будущего слышит...
Пусть же в строфах, пусть в искусстве
Этот миг навеки дышит!
27 июня 1896
Кавказ

«Есть что-то позорное в мощи природы...»

Есть что-то позорное в мощи природы,
Немая вражда к лучам красоты:
Над миром скал проносятся годы,
Но вечен только мир мечты.
Пускай же грозит океан неизменный,
Пусть гордо спят ледяные хребты:
Настанет день конца для вселенной,
И вечен только мир мечты.
Июль 1896
Крым

«Спит вагон, мерцает газ...»

Спит вагон, мерцает газ,
Поезд мчит, уносит нас.
Бесконечна даль полей,
Месяц горестный над ней.
С юга, с юга — в мир снегов
Мчится поезд мертвецов.
Смотрит месяц к нам в окно,
Только — мертвым все равно!
4 марта 1902

СОФИИ С., подарившей мне лепесток розы

Лепесток отцветающей розы —
Не символ ласкательной встречи:
Прекрасны минутные грезы,
Едва прозвучавшие речи.
Отуманены тайной печалью,
Припомнятся эти мгновенья,
Как будто за белой вуалью
Сверкающий взор вдохновенья.
10 июня 1896
близ Симферополя в вагоне

«Поезд врывается в древние скалы...»

Поезд врывается в древние скалы, —
Слева и справа гранит.

Вот на тропе пешеход запоздалый
Стал, прислонился, глядит.

Вырвались... Склоны, покрытые лесом,
Домики, поле, река,

Старая кирка под черным навесом.

Даль — хороша, далека.

Дальше... Опять надвигаются горы,

Замок сошел на утес,

Черные сосны, расщелин узоры...

Грохот и хохот колес!

31 мая 1897

близ Магдебурга

«Мы ехали долго, без цели, куда-то...»

Мы ехали долго, без цели, куда-то,
Куда-то далеко, вперед, без возврата.
Поспешно мелькали кусты,
Вставали березы, поля убегали,
Сурово стучали под нами мосты.
Мы ехали долго. Нам дождь повстречался
И долго в оконные стекла стучался,
Угрюмо пророча печаль...
Но мы ускользнули за области бури,
И к чистой лазури мы ринулись вдаль!
Апрель 1896

НЕНУЖНАЯ ЛЮБОВЬ

**«И снова дрожат они, грезы
бессильные...»**

И снова дрожат они, грезы бессильные,
Бессильные грезы ненужной любви;
Как сестры, как братья, ряды кипарисные
Задумчиво слушают думы мои;
С упреком лаская тростинки росистые,
О будущем горе лепечут ручьи,
А в сердце дрожат невозможные, чистые,
Бессильные грезы ненужной любви.
5 июля 1806

«Сквозь туман таинственный...»

Сквозь туман таинственный

Голос слышу вновь,
Голос твой единственный,
Юная любовь!

Тихо наклоняется
Призрак надо мной,
Призрак улыбается,
Бледный и земной.

Вот зажглись жемчужные
Звезды в небесах,
И слова ненужные
Снова на устах!

10 июля 1896

«В лабиринте аллея...»

В лабиринте аллея,
Между скал и развалин,
Я тоскую о ней,
Я блуждаю, печален.
Миг заветный придет...
Сердце странно сожмется,
И она промелькнет,
И она улыбнется.
В полуночи аллея,
До луны и до света,
Я мечтаю о ней,
Я томлюсь от привета.
26 августа 1896

«Я помню вечер, бледно-скромный...»

Я помню вечер, бледно-скромный,
Цветы усталых георгин,
И детский взор, — он мне напомнил
Глаза египетских богинь.
Нет, я не знаю жизни смутной:
Горят огни, шумит толпа, —
В моих мечтах — Твои минуты:
Твои мемфисские глаза.
22 июля 1896

«Побледневшие звезды дрожали...»

Побледневшие звезды дрожали,
Трепетала листва тополей,
И, как тихая греза печали,
Ты прошла по заветной аллее.
По аллее прошла ты и скрылась...
Я дождался желанной зари,
И туманная грусть озарилась
Серебристою рифмой Марии.
24 июня 1896

«Почему я только мальчик...»

Почему я только мальчик,
Бедный мальчик, так влюбленный
В это ласковое море,
В этот берег обновленный!
Почему я только мальчик,
В глубине души таящий
Радость странную, и горе,
И восторг любви томящей!
Почему я только мальчик,
Почему сказать не смею,
Как ее люблю я тайно,
Как в тиши люблюсь ею!
Почему я только мальчик,
Почему ее люблю я,
Почему во мгле случайно
Не встречаю поцелуя!
1911

«Меж скал разбитых...»

Меж скал разбитых, —
Один! один!
Блаженств забытых
Я властелин.
Там, у платана,
Прошла она,
Дождем фонтана
Окроплена.
Она глядела
Печально вдаль,
Где чуть темнела
Небес эмаль.
Она хранила
В руке цветов,
И обронила
Там лепесток.
Я у бассейна
Его поднял,
Благоговейно
Поцеловал.
Листок случайный,
Ты мой! со мной!
И кроет тайны

Навес ночной.

1896

Кисловодск

«Это было безумие грезы...»

Это было безумие грезы,
Невозможное полное счастье,
В мире бледных желаний и прозы
Прозвеневшие струны бесстрастья.
Не ища ни привета, ни встречи,
Но в томленьи волшебной отрады,
Я ловил ее дальние речи,
Мимолетно-случайные взгляды.
Неизвестный, осмеянный, странный,
Я изведаль безмерное счастье, —
Наслаждаться мечтой несказанной
И свободным восторгом бесстрастья.
27 августа 1806

АНГЕЛ БЛЕДНЫЙ

Ангел бледный, синеглазый,
Ты идешь во мгле аллеи.
Звезд вечерние алмазы
Над тобой горят светлее.
Ангел бледный, озаренный
Бледным светом фонаря,
Ты стоишь в тени зеленой,
Грезой с ночью говоря.
Ангел бледный, легкокрылый,
К нам отпущенный на землю!
Грез твоих я шепот милый
Чутким слухом чутко внемлю.
Ангел бледный, утомленный
Слишком ярким светом дня,
Ты стоишь в тени зеленой,
Ты не знаешь про меня.
Звезды яркие, как алмаза
Грани, в тверди слишком синей.
Скалы старого Кавказа
Дремлют в царственной пустыне.
Здесь, где Демон камень темный
Огневой слезой прожег, —
Ангел бледный! — гимн нескромный

Я тебе не спеть не мог!

Июль 1896, 1910

«Мы бродили, вдвоем и печальны...»

Мы бродили, вдвоем и печальны,
Между тонких высоких стволов,
Беспощадные, жадные тайны
Нас томили, томили без слов.
Мы бродили, вдвоем и печальны,
Между тонких высоких стволов...
Желтоватый, безжизненный месяц
Над лугами взошел и застыл,
Мир теней — утомлен и невесел —
К отдаленным кустам отступил.
Желтоватый, безжизненный месяц
За стволами взошел и застыл.
Ты хотела сказать... Невозможным
Диссонансом раздались слова:
Стебельки закачались тревожно,
Трепеща, зашептала трава,
Диссонансом больным, невозможным
В тишине прозвучали слова.
И опять — набегающий сумрак
Отуманил молчанье кругом.
Отдаваясь мучительным думам,

Мы брели в полумраке лесном,
И безжизненный месяц — угрюмо —
Озарял нас с тобою вдвоем.

10 августа 1896

Пятигорск

«Это матовым вечером мая...»

Э то матовым вечером мая
Ты так горько шепнула: «Твоя!»,
Что с тех пор я томлюсь, вспоминая,
Что и нынче волнуюсь я.
С этих пор я боюсь трепетанья
Предзакатных, манящих лучей,
Мне томительны сны и желанья,
Мне мучителен сумрак ночей;
Я одною мечтою волнуем:
Умереть, не поверив мечтам,
Но пред смертью припасть поцелуем
К дорогим побледневшим губам.

9 сентября 1896

Москва

ВЕЯНЬЕ СМЕРТИ

«И ночи и дни примелкались...»

*Последний день
Сверкал мне и очи.
Последней ночи
Встречал я тень.
А. Полежаев*

И ночи и дни примелькались,
Как дольные тени волхву.
В безжизненном мире живу,
Живыми лишь думы остались.
И нет никого на земле
С ласкающим, горестным взглядом,
Кто б в этой томительной мгле
Томился и мучился рядом.
Часы неизменно идут,
Идут и минуты считают...
О, стук перекрестных минут!
— Так медленно гроб забивают.
12 января 1896

«После ночи бессонной...»

После ночи бессонной,
После тягостных дум,
Странен звон отдаленный,
Гармонический шум.
Полутьма не редет,
И декабрьская ночь
Словно медлит, не смеет,
Отодвинуться прочь.
Сумрак дум без просвета.
Темны дали судьбы.
Я не знаю ответа
На призыв, на мольбы.
Все грядущее грозно,
Нет надежды в былом,
Беспощадное «поздно»
Прозвучало, как гром.
Эти слезы невольны:
Это — стоны души...
Чу! призыв колокольный
Вырастает в тиши.
8 декабря 1895

ПОСЛЕДНИЕ СЛОВА

И я опять пишу последние слова,
Предсмертные стихи, звучащие уны-
ло...

Опять, опять пишу унылые слова.

Но не забыто все, что грезилось и было!

Пусть будущего нет, пусть завтра — не мое,

Но не забыто все, что грезилось и было.

Теперь не жизни жаль, где я изведал все:

Победу и позор, и все изгибы чувства, —

Нет, мне не жизни жаль, где я изведал все.

Но вы, мечты мои! провиденья искусства!

Ряды замышленных и не свершенных дел!

Вы, вы, мечты мои, провиденья искусства!

Как горько умирать, не кончив, что хотел,

Едва найдя свой путь к восторгам идеала!

О, горько умирать, не кончив, что хотел...

Так много думано, исполнено так мало!

23 июля 1896

ПОСВ.***

Мне снилось: мертвенно-бессильный,
Почти жилец земли могильной,
Я глухо близился к концу.
И бывший друг пришел к кровати
И, бормоча слова проклятий,
Меня ударил по лицу.
22 июня 1895

ЗАПИСКА САМОУБИЙЦЫ

Завтра, когда мое тело найдут,
Плач и рыданья поднимутся тут.
Станут жалеть о судьбе дарований,
Смерть назовут и случайной и ранней,
И, свои прежние речи забыв,
Станут мечтать, как я был бы счастлив.
Только одни стебельки иммортели
Тихо шепнут о достигнутой цели.
2 июля 1894

«Кончено! кончено! Я побежден...»

Кончено! кончено! Я побежден.
— Смейтесь!

Погас, погас весенний сон...

Листья осенние, вейтесь!

Медленно всходит былая луна,

Всходит...

Горит в огнях, горит волна;

Челнок опрокинутый бродит.

Утром наляжет на ропотный лес

Иней,

И, все в крови, — укор небес —

Солнце взойдет над пустыней.

17 декабря 1895

«... я вернулся на яркую землю...»

... Я вернулся на яркую землю,
Меж людей, как в тумане, брожу,
И шумящему говору внемлю,
И в горящие взоры гляжу.
Но за ропотом снежной метели
И под шепот ласкающих слов —
Не забыл я полей асфоделей,
Залетейских немых берегов.
И в сияньи земных отражений
Мне все грезятся — ночью и днем
Проходящие смутные тени,
Озаренные тусклым огнем.
21 января 1896

«Я бы умер с тайной радостью...»

Я бы умер с тайной радостью
В час, когда взойдет луна.
Овекает странной сладостью
Тень таинственного сна.
Беспредельным далям преданный,
Там, где меркнет свет и шум,
Я покину круг изведанный
Повторенных слов и дум.
Грань познания и жалости
Сердце вольно перейдет,
В вечной бездне, без усталости,
Будет плыть вперед, вперед.
И все новой, странной сладостью
Овекает призрак сна...
Я бы умер с тайной радостью
В час, когда взойдет луна.
14 июля 1898

«Ни красок, ни лучей, ни аромата...»

Ни красок, ни лучей, ни аромата,
Ни пестрых рыб, ни полумертвых роз,
Ни даже снов беспечного разврата,
Ни слез!

Поток созвучий все слова унес,
За вечера видений вот расплата!
Но странно нежит эта мгла без грез,
Без слез!

Последний луч в предчувствии заката
Бледнеет... Ночь близка... Померк утес.
Мне все равно. Не надо — ни возврата,
Ни слез!

10 декабря 1898

В ПУТИ

«Сумрак за черным окном...»

Сумрак за черным окном
В полночь тоскливо погас.
Думы овеяны сном
В этот загадочный час.
Страницы жизни, мечты
Около длинных гробниц,
В склепе бывшей красоты,
Пали, простерлися ниц.
Звук заклинающих слов,
Дрогнув среди тишины,
Тихо коснулся гробов,
Словно улыбка луны.
В девственно чистых венцах,
В белом сияньи одежд
Вот приподнялись в гробах
Тени погибших надежд.
Очи глядят на меня,
Руки тревожно дрожат...
Сладко предчувствие дня,
Томен цветов аромат.

Сердце, зачем, о, зачем
Ты умираешь во сне!
Сумрак, бесстрастен и нем,
Тускло глядится ко мне.
25 января 1896

«Тайны мрака побледнели...»

Тайны мрака побледнели;
Неземные акварели
Прояснились на востоке;
Но, таинственно-далеки,
Звезды ночи не хотели,
Уступив лучу денницы,
Опустить свои ресницы.
И в моей душе усталой
Брезжит день лазурно-алый,
Веет влагой возрожденья, —
Но туманные сомненья
Нависают, как бывало,
И дрожат во мгле сознанья
Исступленные желанья.
12 февраля 1896

«Прохлада утренней весны...»

Прохлада утренней весны
Пьянит ласкающим намеком;
О чем-то горестно далеком
Поют осмеянные сны.
Бреду в молчаньи одиноком.
О чем-то горестно далеком
Поют осмеянные сны,
О чем-то чистом и высоком,
Как дуновение весны.
Бреду в молчаньи одиноком.
О чем-то странном и высоком,
Как приближение весны...
В душе, с приветом и упреком,
Встают отвергнутые сны.
Бреду в молчаньи одиноком.
15 марта 1896

«Из бездны ужасов и слез...»

Из бездны ужасов и слез,
По ступеням безвестной цели,
Я восхожу к дыханью роз
И бледно-палевых камелий.
Мне жаль восторженного сна
С палящей роскошью видений;
Опять к позору искушений
Душа мечтой увлечена.
Едва шепнуть слова заклятий, —
И блеском озарится мгла,
Мелькнут, для плясок, для объятий,
Нагие, страстные тела...
Но умирает вызов властный
На сомкнутых устах волхва;
Пускай желанья сладострастны, —
Покорно-холодны слова!
Май 1806

«Последние думы...»

Последние думы
О яркой земле
Витают, угрюмы,
В безжизненной мгле;
Зловещи и хмуры,
Скользят меж теней,
Слепые лемуры
Погибших страстей;
Шныряют как совы
В сиянии дня, —
Готовы, готовы
Вонзиться в меня!
Но мысль отгоняет
Невольный испуг:
Меня охраняет
Магический круг,
И, тайные знаки
Свершая жезлом,
Стою я во мраке
Бесстрастным волхвом.
Сентябрь 1806

«Не плачь и не думай...»

Не плачь и не думай:
Прошедшего — нет!
Приветственным шумом
Врывается свет.
Уснувши, ты умер
И утром воскрес, —
Смотри же без думы
На дали небес.
Что вечно — желанно,
Что горько — умрет...
Иди неустанно
Вперед и вперед.
9 сентября 1896

«В час, когда гений вечерней прохладой...»

В час, когда гений вечерней прохлады
Жизнь возвращает цветам,
К Озеру Снов, по знакомым тропам,
Медленно тянутся гады.
Там они, в ясной и чистой тиши,
Водят круги омерзительной пляски,
Правят под месяцем липкие ласки,
Слизью сквернят камыши.
В жуткой тревоге святые виденья
К небу восходят, как белый туман;
Сны мои черны, — и снова я пьян
Мутным вином искушенья.
1897

«О, когда бы я назвал своею...»

О, когда бы я назвал своею
Хоть тень твою!

По и тени твоей я не смею
Сказать: люблю.

Ты прошла недоступно небесной
Среди зеркал,
И твой образ над призрачной бездной
На миг дрожал.

Он ушел, как в пустую безбрежность,
Во глубь стекла...

И опять для меня — безнадежность,
И смерть, и мгла!

28 — 29 октября 1897

ЗАВЕРШЕНИЕ

ГОДЫ МОЛЧАНИЯ

Есть для избранных годы молчания.
Они придут —
И осудят бывшие желания...
О, строгий суд!
Но томленье о благе единственном
Не явит нам,
Как пройти переходом таинственным
К иным мечтам.
В лабиринте блуждая, бессильные,
Собьемся мы,
И заманят нас в глуби могильные
Соблазны тьмы!
13 декабря 1896

«И в ужасе я оглянулся назад...»

И в ужасе я оглянулся назад,
И понял безумие жизни.

— Померк! да, померк торжествующий
взгляд,

Ты понял безумие жизни!

О голос безвестный, ответь мне, молю:

Что правда, где путь, в чем спасенье?

— Спасутся — творящие волю мою,

Кто против — тем нет и спасенья!

В безумии жизни я не был рабом,

Не буду и ради блаженства!

— Блуждай же, безумец, в томленьи пу-
стом:

Тебе не изведать блаженства!

17 октября 1896

«Еще надеяться — безумие...»

Еще надеяться — безумие.
Смирись, покорствуй и пойми;
Часами долгого раздумия
Запечатлей союз с людьми.
Прозрев в их душах благодатное,
Прости бессилие минут:
Теперь уныло-непонятное
Они, счастливые, поймут.
Так. Зная свет обетования,
Звездой мерцающий в ночи,
Под злобный шум негодования
Смирись, покорствуй и молчи,
26 мая 1897

ОБЯЗАТЕЛЬСТВА

Я не знаю других обязательств,
Кроме девственной веры в себя.
Этой истине нет доказательств,
Эту тайну я понял, любя.
Бесконечны пути совершенства,
О, храни каждый миг бытия!
В этом мире одно есть блаженство —
Сознавать, что ты выше себя.
Презренье — бесстрашие — нежность —
Эти три, — вот дорога твоя.
Хорошо, уносясь в безбрежность,
За собою видеть себя.
14 января 1898

ОТРЕЧЕНИЕ

Как долго о прошлом я плакал,
Как страстно грядущего ждал,
И Голос — угрюмый оракул —
«Довольно!» сегодня сказал.
«Довольно! надежды и чувства
Отныне былым назови,
Приветствуй лишь грезы искусства,
Ищи только вечной любви.
Ты счастием назвал волнение,
Молил у страданий венца,
Но вот он, твой путь, — отречение,
И знай: этот путь — без конца!»
18 июля 1896

ЧИСЛА

*Не только в жизни богов и демонов
раскрывается могущество числа.
Пифагор*

Мечтатели, сибиллы и пророки
Дорогами, запретными для мысли,
Проникли — вне сознания — далеко,
Туда, где светят царственные числа.
Предчувствие разоблачает тайны,
Проводником нелицемерным светит:
Едва откроется намек случайный,
Объемлет нас непересказный трепет.
Вам поклоняюсь, вас желаю, числа!
Свободные, бесплотные, как тени,
Вы радугой связующей повисли
К раздумиям с вершины вдохновенья!
10 — 11 августа 1898

СТРОГОЕ ЗВЕНО

А. Курсинскому

Для всех приходят в свой черед
Дни отреченья, дни томленья.
Одна судьба нас всех ведет,
И в жизни каждой — те же звенья!
Мы все, мы все переживем,
Что было близко лучшим душам,
И будем плакать о былом,
И клятвы давние нарушим!
За снами страсти — суждено
Всем подступить к заветным тайнам,
И это строгое звено
Не называй в цепи случайным!
20 июля 1899

«Я прежде боролся, скорбел...»

Я прежде боролся, скорбел,
Но теперь я жду.

Я сознал заветный предел,
Забыл вражду.

Остановить, что быть должно,
Нет сил.

Тому бороться смешно,
Кто победил.

Если победа судьбой дана,
Знай и смирись.

Так меня — безвольно волна
Возносит в высь.

11 января 1809

ЛИРИЧЕСКИЕ ПОЭМЫ

ИДЕАЛ

1

Е он увидел в магический час;
Был вечер лазурным, и запад погас,
И первые тени над полем и лесом
Дрожали, сквозили ажурным навесом.
В таинственном храме весенних теней,
Мечтатель, он встретился с грезой своей.

2

Они обменялись медлительным взгля-
дом...

И девичьим, белым, прозрачным нарядом
Она замелькала меж тонких стволов,
И долго смотрел он, — без грез и без слов,
Смотрел, наслаждаясь представшим виде-
нием,

Смотрел, отдаваясь наставшим мгнове-
ниям.

3

Сияньем их жизнь озарилась с тех пор,
Как будто на небе застыл метеор;

И стали их дни многоцветны и яркие,
Как радостных радуг воздушные арки;
Им были слепительны думы и сны,
Как пышное утро расцветшей весны!

4

Но в чистые дали их робких мечтаний
Не смело проникнуть желанье свиданий:
В открытых просторах их девственных
грез

Клонились цветы под наитием рос,
Шептала волна на побережье лагуны,
Чуть слышно звенели незримые струны.

5

И дивное счастье поведал им бог.
Вдали от людей и от шумных тревог,
В молчаньи лесном, убаюканном тайной,
Друг с другом они повстречались случай-
но.

Так в старой беседке, игрой ветерка,
Друг с другом сплетаются два лепестка.

6

И, точно друзья после долгой разлуки,
Они протянули уверенно руки,
И все, о чем каждый мечтал сам с собой,
Другой угадал вдохновенной душой.

И были не нужны ни клятвы, ни речи
При этой короткой задумчивой встрече.

7

То был мотылек, пилигрим вечеров,
Который подслушал прощанье без слов;
То было смущенное облачко мая,
Которое, в дали лазоревой тая,
Над лилией видело алый цветок:
Улыбку, склоненную к трепету щек!

8

И больше они никогда не встречались!
Но светлой святыней в их душах остались
Блаженные тени мгновенного дня...
И жили они, эту тайну храня,
И память о жизни, о горестной жизни,
Была их наградой в небесной отчизне.
16 декабря 1894

СОН ПРОРОЧЕСКИЙ

В мое окно давно гляделся день;
В моей душе, как прежде, было смутно.
Лишь иногда отрадою минутной
Дышала вновь весенняя сирень,
Лишь иногда, пророчески и чудно,
Мерцал огонь лампы изумрудной.
Минутный миг! и снова я тонул
В безгрезном сие, в томительном тумане
Неясных форм, неверных очертаний,
И вновь стоял неуловимый гул
Не голосов, а воплей безобразных,
Мучительных и странно неотвязных.
Мой бедный ум, как зимний пилигрим,
Изнемогал от тщетных напряжений.
Мир помыслов и тягостных сомнений,
Как влажный снег, носился перед ним;
Казалось: ряд неуловимых линий
Ломался вдруг в изменчивой картине.
Стал сон ясней. Дымящийся костер
На берегу шипел и рассыпался.
В гирляндах искр туманно означался
Безумных ведьм неистовый собор.
А я лежал, безвольно распростертый,

Живой для дум, но для движений мерт-
вый.

Безмолвный сонм собравшихся теней
Сидел вокруг задумчивым советом.
Десятки рук над потухавшим светом
Тянулись в дым и грелись у огней;
Седых волос обрывки развевались,
И головы медлительно качались.
И вот одна, покинув страшный круг,
Приблизилась ко мне, как демон некий.
Ужасный лик я видел через веки,
Горбатый стан угадывал, — и вдруг
Я расслышал, как труп на дне гробницы,
Ее слова, — как заклинанья жрицы.
«Ты будешь жить! — она сказала мне. —
Бродить в толпе ряды десятилетий,
О, много уст вопьются в губы эти,
О, многим ты „люблю“ шепнешь во сне!
Замрешь не раз в порыве страсти пьяном...
Но будет все — лишь тенью, лишь обма-
ном!

Ты будешь петь! Придут к твоим стихам
И юноши и девы, и прославят,
И идол твой торжественно поставят
На высоте. Ты будешь верить сам,

Что яркий луч зажег ты над туманом...
Но будет все — лишь тенью, лишь обманом!

Ты будешь ждать! И меж земных богов
Единого искать, тоскуя, бога.
И, наконец, уснет твоя тревога,
Как буйный ключ среди глухих песков.
Поверишь ты, что стал над Иорданом...
Но будет все — лишь тенью, лишь обманом!»

Сказав, ушла. Хотел я отвечать,
Но вдруг костер, пред тем как рухнуть,
вспыхнул,

И шепот ведьм в беззвездной ночи стихнул,

Ужасный сон на грудь мне лег опять.
Вновь понеслись бесформенные тени,
И лишь в окно вливалась песнь сирени.

19 января 1896

Примечания

Я — это я (лат.).

[^^^]

Поцелуй (ит.).

[^^^]